

2207

## Переписка

с матерью писателя

ИСТОКИ  
ТАЛАНТА

В последнее время все чаще и чаще я обращаюсь к письмам, которые занимают в моем семейном архиве особое место. Когда я перечитываю их, мне всегда видится лицо той русской женщины, регулярно отвечавшей на мои послания. Простое, открытое, немного печальное, с усталым взглядом зорких глаз, — таким оно запомнилось, запечатленным на фотографии, когда-то увиденной мною в газете. В жизни нам, к сожалению, не пришлось встретиться. Почему же мне так дороги эти тетрадные листочки, исписанные неровным, зачастую неразборчивым почерком? Вот об этом и хочу рассказать.

Творчество нашего замечательного писателя Василия Макаровича Шукшина я люблю давно. Раз и навсегда вошел в мою душу этот высокоодаренный человек. Незатухающей болью отозвался во мне его безвременный уход из жизни. А потом, в том же году, я прочитала в одной из газет воспоминание о сыне Марии Сергеевны Шукшиной — матери Василия Макаровича. И мне захотелось поделиться с ней своими мыслями, чувствами, которые вызвали ее простые, но вместе с тем глубокие слова о сыне. Я написала Марии Сергеевне письмо. И стала терпеливо ждать ответа.

Надо ли говорить о том, как я обрадовалась весточке, которую ждала с таким волнением. «Добрый день, дорогая Валентина, — писала Мария Сергеевна. — С горячим приветом и низким поклоном к вам. Получила ваше письмо. Большое спасибо за все ваши теплые слова. Милые мои, вы знали Васю только по книгам и фильмам. Если бы вы знали его лично, вы бы со мной вместе плакали. Он очень был добрый. Любил народ. За него он свою душеньку отдал... Не могу я больше об этом писать. Слезы душиат. Еще раз спасибо вам за письмо. С уважением к вам Мария Сергеевна Шукшина».

С этого дня и началась у нас переписка. Я понимала,

что подробно расспрашивать Марию Сергеевну о сыне было бы бессердечно. Поэтому я больше интересовалась ее делами. Но в каждом письме Мария Сергеевна вновь и вновь возвращалась к пережитому.

В своем следующем письме, в ответ на мою тревогу о ее здоровье, она призналась: «Откуда же я буду ждать выздоровления, если у меня оторвался кусочек от сердца. Мне его не заживить до последнего вдоха. Ни одну минутку я не могу забыть Васю. Не могу я себя ничем утешить. Горло боль сдала, не выдохнешь. Уж очень он был милосердив и для своих, и для чужих».

От письма к письму складывался у меня материнский образ талантливого писателя и актера. Стали ясней для меня и истоки его творчества. Читая письма Марии Сергеевны, я не могла не заметить выразительности и точности ее языка. Не надо быть специалистом, чтобы понять, откуда взялся емкий шукшинский слог. Он был впитан писателем, как говорят в народе, с материнским молоком.

Моя дочь училась в грозненской школе № 61. Однажды после родительского собрания я зашла в актовую зал, где шло литературное чтение. Читали произведения В. М. Шукшина. Я не могла удержаться и сказала, что у меня есть письма его матери, проживающей в городе Бийске Алтайского края. Это, конечно же, заинтересовало всех. Меня попросили выступить на конференции, посвященной творчеству Шукшина.

В последних своих письмах Мария Сергеевна жаловалась на частые головные боли, на общее недомогание. Мне даже показалось, что ей бывает одиноко. Тревожась за нее, я написала письмо в Бийский горком комсомола. Вскоре мне пришел ответ, подписанный секретарем Бийского ГК ВЛКСМ В. Орловым. Он сообщил, что матери Шукшина уделяется большое внимание. Улучшены ее жилищные условия, назначена персональная пенсия. Много друзей у нее и среди жителей города. Они оказывают ей всестороннюю помощь. Помогают ей и тимуровцы.

В прошлом году Марии Сергеевны не стало. Думая о ней, я еще и еще раз убеждаюсь в том, что сына, не только большого мастера слова, актера и режиссера, но и доброго, внимательного человека, ей никто и ничто не могло заменить.

В. СИМОЛКИНА,  
ветеран труда.